

Ю. Н. Кежа

**Символическая коммуникация
и репрезентация княжеской власти в Древней Руси
по данным миниатюр Радзивилловской летописи**

УДК 94(470):091.31
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_47
EDN THNHSM

Аннотация: В рамках изучения миниатюр Радзивилловской летописи (конец XV в.), выявлены и проанализированы сюжеты, связанные с символическими коммуникативными практиками в древнерусской династии Рюриковичей (XI–XII вв.), в частности, коммуникация между князьями и рядовым населением, межкняжеские отношения внутри династии, различные формы репрезентации княжеской власти. На основе анализа миниатюр определены ярко выраженные визуальные формы трансляции образа древнерусского правителя. На изображениях представлены знаковые элементы княжеского одеяния, а также предметы, символически связанные с властью княжеского рода: «древнерусская княжеская шапка» и меч. Использование меча как инсигнии господства показано на ряде миниатюр, где данный предмет связан с обретением, обладанием или передачей власти древнерусских князей. В миниатюрах отразилось древнерусское понимание персонализации городского коллектива в образе одного человека, представленного на летописных изображениях. Так, подтверждается вывод о «коллективной личности» древнерусского города, которая могла выступать субъектом политических отношений наряду с князьями. Миниатюры достаточно подробно отражают информацию летописных источников об интронизационных ритуалах Рюриковичей, связанных с занятием княжеских столов в древнерусских городах. Разрешение конфликтов в княжеской династии часто иллюстрировалось княжескими пирами. Миниатюры являются ценными свидетельствами по княжескому погребальному обряду.

Ключевые слова: Радзивилловская летопись, летописные миниатюры, символическая коммуникация, репрезентация власти, домонгольская Русь, княжеская власть, князья Рюриковичи, инсигнии власти, городские сообщества, интронизация, княжеские пиры, погребальный обряд.

Об авторе: **Юрий Николаевич Кежа**

Кандидат исторических наук, доцент; докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: yurykezha86@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9760-0341>

Для цитирования: Кежа Ю. Н. Символическая коммуникация и репрезентация княжеской власти в Древней Руси по данным миниатюр Радзивилловской летописи // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 47–72.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 20.07.2024.

Yury Kezha

Symbolic Communication
and Representation of Princely Power in Ancient Rus
as given in Miniatures of Radzivilov Chronicle

UDK 94(470):091.31
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_47
EDN THNHSM

Abstract: Within the study of miniatures in the Radzivilov Chronicle (late 15th century), some narratives related to symbolic communicative practices of the ancient Russian Rurikid dynasty (11th-12th centuries) have been identified and analyzed, including communication between princes and ordinary population, inter-princely relations within the dynasty, and various forms of princely power representation. Based on the analysis of the miniatures, some vivid visual forms portraying the image of an ancient Russian ruler have been determined. The depictions show symbolic elements of princely attire, as well as some objects symbolically linked to the power of the princely family, e.g. an «ancient Russian princely cap» and a sword. A sword as an insignia of dominance is depicted in several miniatures where it is associated with acquisition, possession, or transfer of the power by the ancient Russian princes. The miniatures reflect the ancient Russians' understanding of personalization of the urban community in the image of one person shown in the chronicle pictures. Thus, it is confirmed that the concept of «collective personality» of an ancient Russian city, which could act as a subject in political relations along with the princes. The miniatures provide sufficiently detailed information from chronicle sources regarding the rituals of Rurikids' princely enthronement in ancient Russian cities. Conflict resolution in the princely dynasty was often depicted as princely banquets. The miniatures are valuable evidence of the princely funeral rite.

Keywords: Radzivilov Chronicle, Chronicle Miniatures, Symbolic Communication, Representation of Power, pre-Mongol Rus, Princely Authority, Rurikid Princes, Insignia of Power, Urban Communities, Enthronement, Princely Feasts, Funeral Rite.

About the author: **Yury Kezha**

PhD in History, docent; doctoral student at the Department of History of Russia, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: yurykezha86@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9760-0341>

For citation: Kezha Y. Symbolic Communication and Representation of Princely Power in Ancient Rus as given in Miniatures of Radzivilov Chronicle. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2024, No. 4 (28), p. 47–72.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Среди письменных памятников древнерусской эпохи особое место занимает Радзивилловская летопись (далее — РЛ), составленная в конце XV в. и описывающая события из истории Руси до 1206 г.¹ Уникальность данного памятника заключается в наличии 618 лицевых миниатюр, составленных по мотивам летописного текста. РЛ, таким образом, является единственным иллюстрированным летописным сводом, включающим список Повести временных лет (далее — ПВЛ). Несмотря на поздний период своего окончательного формирования, миниатюры РЛ, помимо готических художественных элементов позднего Средневековья, отражают довольно чёткие черты византийско-русской изобразительной традиции². Не исключено влияние на миниатюры древнерусских толковых иллюстрированных псалтырей и фресковых росписей³. Практически общепризнанным является мнение, что миниатюрам РЛ предшествовали гораздо более ранние иллюстрированные летописные своды⁴. В разное время высказывались гипотезы о времени первоначального составления миниатюр в конце XIII в.⁵, начале XIII в.⁶, первой трети XII в.⁷ и даже конце X в.⁸ Дискуссионным остаётся и выявление места составления летописного свода. На данный момент существуют

¹ Текст РЛ цитируется по изданию 1989 г.: ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989; Летописные миниатюры анализируются по факсимильному изданию: Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. Т. 1–2.

² О копировании византийских образцов древнерусской изобразительной традицией в XI–XII вв. подробно писал Н. П. Кондаков (*Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.* СПб., 1906). В своей работе, посвящённой непосредственно РЛ, учёный отмечал, что в композиции рисунков отчётливо видна византийская традиция книжного иллюстрирования, отражённая в деятельности князей, битвах, изображении путешествий, церковных процессий (*Кондаков Н. П. О миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись.* СПб., 1902. Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах летописи. С. 118–127). Позже элементы византийской изобразительной традиции в РЛ находили О. И. Подобедова и В. Г. Пуцко (*Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания.* М., 1965, С. 55; *Пуцко В. Г. Древнейшие иллюстрации к сказаниям о Киево-Печерском монастыре // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 72, 77).*

³ *Лурье Я. С. Радзивилловская летопись // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия.* М., 2014. С. 671–672.

⁴ Несмотря на критический подход к анализу миниатюр РЛ и аргументированные сомнения в существовании летописного протографа (См.: *Полов Г. В. Тема славянского просвещения в миниатюрах Радзивилловской летописи // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура.* СПб., 2002., С. 374; *Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания.* М.; СПб., 2014. С. 388–401; *Мартынюк А. В. Радзивилловская летопись: соблазны и сомнения вокруг знаменитого памятника // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы V Международной научно-практической конференции.* Витебск, 2019. С. 156), большинство исследователей склонны видеть в миниатюрах длительную традицию, берущую начало ещё в домонгольской эпохе.

⁵ *Толочко А. П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи) // Ruthenica. 2014. Т. 12. С. 67–81.*

⁶ *Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах летописи.* СПб., 1902. С. 18–114; *Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 64–83.*

⁷ *Чернецов А. В. К изучению лицевого летописания // Краткие сообщения института археологии.* № 171. М., 1982. С. 49–54; *Кибинь А. С. Радзивилловская летопись: о месте и времени создания иллюстраций Повести временных лет.* М., 2022.

⁸ *Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки.* М., 1984. С. 195.

предположения о Великом Новгороде, Твери, Владимире-на-Клязьме, Владимире-Волыньском, Смоленске, Новогрудке, Вильно⁹.

Долгое время миниатюры РЛ использовались для изучения материальной культуры Древней Руси и в меньшей степени применялись при рассмотрении политической истории¹⁰. По справедливому утверждению С. Н. Темушева, «миниатюры заключают в себе значительный информационный потенциал, раскрытый ещё совершенно недостаточно»¹¹. Согласно мнению А. В. Мартынюка, основным отличием миниатюр от письменного текста являлась возможность миниатюристов продемонстрировать отдельные эпизоды или сюжеты, которые в силу определённых причин не могли быть отражены в летописных нарративах — батальные сцены, церемониальные действия и т. д. Часто миниатюры несут дополнительную информацию и существенно дополняют письменные памятники¹². Учитывая большую информационную значимость летописных миниатюр, важное значение в понимании природы древнерусской власти имеют сцены РЛ, изображающие различного рода контакты между политическими актёрами в домонгольской Руси X–XII вв.

Ключевую роль в данном случае играет анализ символической коммуникации, представленный на миниатюрах. Под *символической коммуникацией* следует понимать разнообразный набор коммуникативных практик, осуществляемых, как правило, в невербальной форме. Данные акты коммуникации достигались посредством публично инсценированных ритуалов или ритуализированных действий. Итогом осуществления символических контактов должно было стать достижение политическим актёром (или несколькими актёрами) ожидаемых целей¹³.

Акты политико-символической коммуникации, изображённые на миниатюрах РЛ (занятие правителем княжеского стола, княжеский погребальный обряд, дары и дарообмен, символические практики при заключении договоров и союзов), могут указывать на основные инструменты формирования политической реальности в Древней

⁹ На наш взгляд, наиболее обоснованной является гипотеза А. С. Кибиня о территории Великого княжества Литовского (Вильно) как окончательном месте составления РЛ. Создание иллюстрированной рукописи РЛ именно в Вильно, в полиэтнической и поликультурной среде Великого княжества Литовского, очень хорошо объясняет художественное своеобразие ее миниатюр, а именно сочетание византийско-русской и западной изобразительных традиций. Ряд выводов исследователя указывает на то, что ПВЛ была впервые иллюстрирована в Киеве в первой половине XII в. (*Кибинь А. С. Радзивилловская летопись...* С. 310–316). В тексте настоящей статьи мы будем ориентироваться на XII в. (согласно аргументам А. С. Кибиня) как период начального формирования древнерусской традиции летописных миниатюр.

¹⁰ Образцовым примером использования миниатюр Лицевого летописного свода XVI в. в исследовании потестарной имагологии, социальной и политической истории Великого княжества Литовского и Золотой Орды являются работы А. В. Мартынюка (См.: *Мартынюк А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага XIII– пачатку XV ст. у мініацюрах Ліцавага летапіснага зводу XVI стагоддзя // Беларускі гістарычны часопіс. 2011. № 5. С. 40–46; Мартынюк А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага першай паловы XV — сярэдзіны XVI ст. у мініацюрах Ліцавага летапіснага зводу // Беларускі гістарычны часопіс. 2011. № 7. С. 19–24; Мартынюк А. В. Восточные, западноевропейские и русские изобразительные источники по истории Монгольской империи и государств — её наследников в XIII–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2003).*

¹¹ *Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. М., 2021. С. 80.* Изучая функционирование налогового-даннической системы в домонгольской Руси, С. Н. Темушев обратил внимание на изображение даров, принесения дани и взимания налогов, которые коррелируются с ранними летописными источниками (*Темушев С. Н. Дань в миниатюрах Радзивиловской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 5–22*).

¹² *Мартынюк А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага XIII — пачатку XV ст... С. 41.*

¹³ Althoff G. Rituale — symbolische Kommunikation. *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 1999, № 3. S. 142.

Руси X–XII вв. Роль ритуалов власти в понимании данной политической реальности становится определяющей. Именно символические формы коммуникации и связанная с ней репрезентация господства, формируя политическое пространство, объединяют это пространство с конкретными топографическими объектами, создают и определяют саму природу власти и правила её функционирования¹⁴.

Для демонстрации власти представителями династии Рюриковичей были выработаны довольно чёткие визуальные формы, относящиеся к определённым предметам. В отличие от современного общества, где политическая власть воспринимается как некое абстрактное состояние, для сознания человека эпохи Средневековья необходимо было облечь господство в зримые формы, которые давали возможность оперировать им в повседневной жизни¹⁵.

Определяющими способами репрезентации власти была демонстрация некоторых частей одеяния и узнаваемых предметов, связанных с правлением княжеского рода. Одним из основных элементов одежды правителей на миниатюрах РЛ является так называемая «древнерусская княжеская шапка» — специальный головной убор, которым миниатюристы наделяют представителей династии Рюриковичей. Уже на ранних древнерусских изображениях князей XI в. (Трирской Псалтыри, Изборнике 1073 г., фресках киевского Софийского собора) шапка является обязательным элементом княжеского образа¹⁶.

Исследуя миниатюры РЛ, А. В. Арциховский рассматривает полусферические шапки с меховой опушкой как неизменный атрибут древнерусских князей¹⁷. С исследователем нельзя не согласиться, учитывая, что на абсолютном большинстве миниатюр изображающих правителей среди остальных персонажей их выделяет именно наличие головного убора (в большинстве случаев — княжеской шапки). При этом сомнительно, что княжеская шапка была специальной регалией, предназначенной для процедуры восхождения князя на престол¹⁸. При существовавшей в Древней Руси системе «родового сюзеренитета» — коллективного права на власть практически для всех представителей рода Рюриковичей — в процедуре княжеской интронизации не было существенной необходимости¹⁹. Княжеская шапка на миниатюрах, являясь неизменной частью одежды правителя и символом верховной светской власти, маркирует представителя династии Рюриковичей вне зависимости от того, занимает он конкретный княжеский стол или нет.

Другим важнейшим княжеским атрибутом является меч. При отсутствии в летописных источниках чётко выраженных инсигний власти меч играл большую роль в средневековой обрядности. В Древней Руси сложился культ княжеских мечей, а само оружие напрямую отождествлялось с княжеской властью. Показательным

¹⁴ Ковалев В. А. Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // *Vox medii aevi*. 2018. Vol. 1 (2). С. 19.

¹⁵ Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 432.

¹⁶ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи... С. 11–42.

¹⁷ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 28–29.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 141. При этом, летописные свидетельства содержат многочисленные упоминания о процедуре занятия княжеского стола с упоминанием определённых церемониальных действий: встречи князя за пределами города населением и духовенством, служба в главном храме, пир на княжеском дворе и т. д. В этой связи, процедуру занятия княжеского стола можно назвать «интронизацией» с определённой долей условностей и уточнений (Лавренченко М. Л. «Ты наш князь»: соглашение между городом и князем в Киевской летописи // *Вестник Пермского университета. История*. 2023. № 1 (60). С. 102, 108).

Ил. 1, миниатюра № 157.
Вручение Владимиром Святославичем
меча своему сыну Борису

согласно поздней летописной традиции, было размещено в Троицком соборе Пскова «при погребении князя в 1137 г.»²². Сам артефакт относится к типу вооружения XIV–XV вв. Тем не менее, есть основания предполагать существование более раннего меча XII в. по аналогии с «мечем св. Бориса»²³. Гипотетически можно считать, что артефакт хранился в одном из храмов Владимира-на-Клязьме²⁴.

В РЛ изображение князя с мечом встречается в 140 иллюстрациях. Несмотря на то, что на большинстве миниатюр мечи относятся к военным реалиям второй половины XV в. и сами миниатюры не отображают вооружения древнерусского времени²⁵, интерес представляет общий контекст, в которых мечи были изображены.

На миниатюре РЛ № 157 (Ил. 1) изображено вручение меча киевским князем Владимиром Святославичем своему сыну Борису в преддверии похода на печенегов²⁶. Киевский князь, сидя на престоле, поднимает меч за окончание клинка и передаёт его стоящему рядом Борису. Справа от молодого князя изображён воин в боевом облачении (в доспехах, с копьём и щитом), что говорит о публичном (в присутствии княжеской дружины) характере церемониала²⁷. Торжественное вручение меча соответствовало

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370.

²¹ Там же. Стб. 369; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586–587.

²² Информация о «мече Всеволода Мстиславича» представлена в Троицкой летописи XVI в.: «Тогда же преставися князь Всеволодъ Мстиславичъ въ Пскове, внукъ великого князя Володимера Манамаха, февраля 11 день, въ четвер(ток)ъ масленыя недели; а въ неделю положень бысть во церкви святыхъ Троица, юже създаль самъ, въ приделе святаго Благовещенія, на левой стране, и поставиша над нимъ его мечъ, иже и донныне стоитъ видимъ всеми» (ПСРЛ. Т. 15. С. 200).

²³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л., 1966. С. 56.

²⁴ Там же. С. 56; Долгов В. В. «Волшебные мечи» в системе религиозного мировоззрения населения Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. Вып. 3. С. 50.

²⁵ Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи... С. 396.

²⁶ Радзивилловская летопись, 1994. Л. 73; «Володимиру бо разболевшюся, в се же время бяше у него Борис, и печенегом идущим на Русь, и посла противу им Борис, сам боляше велми, в неуже болести и скончашася месяца июля в 15 день» (ПСРЛ. Т. 38. С. 58).

²⁷ Информация о ритуализированном характере вручения меча Владимиром Борису отсутствует в летописных текстах. Однако косвенные данные о церемониальных действиях при «напутствии» Бориса присутствуют в «Сказании о Борисе и Глебе»: «И призвавъ Бориса, ему же бе издено имя въ крщении Романъ, блаженаго и скоропослушливаго, предавъ вои многы въ руце его посла противу безбожнымъ печенегомъ. Он же с радостию вьставъ иде, рекъ: «се готовъ есмь предъ очима твоима створити, елико волишь воля сердца твоего» (Сказание

выглядит цитирование летописцем текста из Рим 13:1–14:7: «князь бо не туне мечъ носить. Бжи бо слуга естъ»²⁰.

Наиболее известным мечом в домонгольскую эпоху стал «меч св. Бориса», владельцем которого во второй половине XII в., согласно летописям, был владимирский князь Андрей Юрьевич Боголюбский²¹. Поздняя традиция отождествляла определённые мечи с князьями домонгольского периода. К таким артефактам можно отнести меч, приписываемый новгородскому и псковскому князю Всеволоду Мстиславичу. Оружие,

формированию князя как воина и полководца, способного самостоятельно осуществлять военные кампании²⁸. Необходимо обратить внимание на летописное сообщение, согласно которому Владимир посылает Бориса в поход на степняков накануне своей кончины. В данном контексте вручение оружия молодому князю может выглядеть как передача верховной власти над Киевом²⁹.

В акте вручения верховного правителя (князя-отца) своему сыну меча следует усматривать символическое наделение последнего определёнными властными функциями — передачей в управление княжества или обозначением преемственности верховной власти. Мы можем так судить по ряду миниатюр, которые практически идентичны по своим образительным формам миниатюре № 157 с фигурами Владимира Святославича и его сына Бориса. На миниатюре № 361 (Ил. 2) Владимир Всеволодович Мономах вручает меч своему сыну Андрею, после чего тот отправляется на княжение во Владимир-Волынский³⁰. На миниатюре № 407 (Ил. 3) изображено вручение меча киевским князем Всеволодом Ольговичем брату Святославу и отъезд последнего на княжение в Новгород³¹.

Сцена передачи меча как символа власти над Вышгородом Юрием Долгоруким своему старшему брату Вячеславу Владимировичу изображена на миниатюре

Ил. 2, миниатюра № 361.
Вручение Владимиром Мономахом
меча своему сыну Андрею

Ил. 3, миниатюра № 407.
Вручение Всеволодом Ольговичем
меча своему брату Святославу

о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985. С. 27–28).

²⁸ Васин П. А. Мечи средневековой Руси. 2-я половина XI — начало XVI в. Т. 1. М., 2022. С. 72.

²⁹ Согласно выводам А. В. Поппэ, великое киевское княжение после смерти Владимира Святославича должно было достаться Борису — одному из младших сыновей, родившемуся, согласно гипотезе исследователя, от византийской принцессы Анны (Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 115–116). Последний тезис А. В. Поппэ вызывает справедливые возражения, однако стремление Владимира наделить Бориса верховной властью над Киевом в последние годы своей жизни не может быть исключено. Сохранились некоторые свидетельства о десигнации Владимиром Святославичем Бориса, отразившиеся в Чтении о Борисе и Глебе и сообщениях Титмара Мерзебургского (Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 512).

³⁰ Радзивилловская летопись. Л. 157 об.; «Того же лета Володимир сына своего другаго Андреа княжити к Володимирю присла» (ПСРЛ. Т. 38. С. 104).

³¹ Радзивилловская летопись. Л. 171; «В том же лете пустиша новгородци Горгевича от себе, а ко Всеволоду пустиша дети своя въ тали, рекучи: “Пусти к намъ Святослава”. И посла к ним Святослава княжити» (ПСРЛ. Т. 38. С. 110).

Ил. 4, миниатюра № 456.
Вручение Юрием Долгоруким
меча своему брату Вячеславу (слева)

Ил. 5, миниатюра № 232.
Повторное вокняжение Изяслава Ярославича
в Киеве (слева)

Ил. 6, миниатюра № 229.
Обращение киевлян к Святославу Ярославичу
с предложением княжить в Киеве (справа)

№ 456 (Ил. 4)³². Юрий и Вячеслав сидят на престолах на одном уровне напротив друг друга. В левой руке у Юрия невысоко поднятый меч, который он держит за рукоять, передавая Вячеславу. Изобразительная композиция данной сцены отличается от миниатюр № 157, 361, 407, однако общий семантический смысл изображенных действий на миниатюре № 456 аналогичен. После победы двух братьев над племянником Изяславом Мстиславичем в борьбе за Киев, Юрий, приняв по настоянию киевлян верховную власть над великокняжеским городом, посадил Вячеслава в соседнем Вышгороде, обозначив тем самым совместное правление двух князей Мономашичей. Подобного рода изображение представлено на миниатюре № 360, показывающее наделение Владимиром Мономахом своего сына Романа Владимировичем княжением³³.

Помимо передачи мечей киевскими князьями своим детям или братьям, использование данного оружия в символических практиках присутствует на ряде других изображений, где вручение меча свидетельствует о приглашении правителя на княжеский стол горожанами. Данная церемония представлена в сцене повторного вокняжения в Киеве Изяслава Ярославича в 1069 г. на миниатюре № 232 (Ил. 5)³⁴. Изяслав, сидя на престоле, принимает меч из рук горожан, стоящих справа от него. На миниатюре № 229 (Ил. 6) киевляне предлагают занять киевский великокняжеский стол Святославу и Всеволоду Ярославичам, где передача меча как символа власти изображена при описании обращения киевлян, по-видимому, к Святославу как второму

³² Радзивилловская летопись. Л. 186; «Гургий князь поваби Вячеслава на столь к Киеву. И пришедшу ему к Киеву, бояре размолиши Гургия и реша: «Брату твоему Киева не удержати, да не будет его тебе, ни тому». Гургеви же послушавшу боярь, выведе из Вышегорода сына своего Андрея, и да и Вячеслава» (ПСРЛ. Т. 38. С. 119).

³³ Радзивилловская летопись. Л. 157 об.; «и посла Володимиръ сына своего Романа к Володимирю княжити» (ПСРЛ. Т. 38. С. 104).

³⁴ Радзивилловская летопись. Л. 101 об.; «Изяславу же идущу ко граду, изыдоша людие противу с поклоны, и приша князя своего кияне, и седе Изяславъ на столе своемъ месяца мая въ 2» (ПСРЛ. Т. 38. С. 73).

Ил. 7, миниатюра № 357.
Вокняжение Всеволода Мстиславича
в Новгороде (справа)

Ил. 8, миниатюра № 502.
Вокняжение Юрия Долгорукого
в Киеве

по старшинству среди Ярославичей³⁵. На миниатюре № 357 (Ил. 7) изображена сцена вручения меча Всеволоду Мстиславичу перед началом его княжения в Новгороде³⁶.

Меч как символ княжеской власти изображён на миниатюре № 502 (Ил. 8), где показано вокняжение Юрия Долгорукого в Киеве. Юрий, восседая на престоле, демонстративно держит в левой руке меч. По бокам от князя изображены горожане с простёртыми к князю руками³⁷. В соответствии с летописной информацией, в которой сообщается о занятии Юрием княжеского стола, меч мог использоваться в «интронизационных» практиках Рюриковичей. Похожие действия представлены на миниатюре № 556 (Ил. 9), на которой изображено посольство во Владимир-на-Клязьме к Михалку Юрьевичу с просьбой о приходе в Суздаль³⁸. Изображение князя, восседающего на престоле, аналогично изображению на миниатюре № 502. По левую сторону от князя изображено посольство суздальцев, один из которых стоит на коленях перед князем. У трёх послов в руках мечи, которые, по всей видимости, обозначают власть над Суздальской землёй³⁹.

Обращает на себя внимание, что использование меча при наделении Рюриковичей княжением или при церемонии занятия князем стола представлено только на миниатюрах РЛ. В летописном тексте

Ил. 9, миниатюра № 556.
Посольство суздальцев
к Михалку Юрьевичу

³⁵ Радзивилловская летопись. Л. 101; «и послашася ко Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло сотворили есмо, князя своего прогнавше, а се (Изяслав Ярославич. — Ю. К.) веде на ны Лядскую землю, а поидоша въ град отца своего» (ПСРЛ. Т. 38. С. 73).

³⁶ Радзивилловская летопись. Л. 156 об.; «Володимиръ приведе Мстислава, сына своего, из Новгорода, а в Новгороде да сядет Мстиславичъ» (ПСРЛ. Т. 38. С. 104).

³⁷ Радзивилловская летопись. Л. 200 об.; «Гурги же милостивъ сый обещася тако створити, и благодаря Бога, вниде в Киевъ, седе на дедни и на отни столе» (ПСРЛ. Т. 38. С. 104).

³⁸ «Потом же прислашася к Михалкови князю суждальци, рекуще: «Мы, княже, на полку том со Мстиславом не были, были с ним бояре, а на нас лиха сердца не держи. Поеди к нам». Михалко же поеха к Суждалю с братом Всеволодом, ис Суждаля Ростову, и сотври людем весь наряд, и утвердися крестнымъ целованием с ними, и честь взявша у них, и дары многи у ростовецъ» (ПСРЛ. Т. 38. С. 143).

³⁹ Радзивилловская летопись. Л. 201.

про меч как неизменный атрибут власти при описании подобных сюжетов не упоминается (см. примечания 30–39). Миниатюры, таким образом, дополняют летописный текст, определённо точно указывая на меч как *инсигнию* власти. Данный атрибут древнерусского князя, связанный с его властными полномочиями, для летописца и читателя летописей выглядел как само собой разумеющийся факт, про который не требовалось сообщать при каждом описываемом случае занятия князем стола. Миниатюрист же при изображении подобных сцен считал обязательным данную инсигнию изобразить.

Ил. 10, миниатюра № 273.
Взятие Мурوما волжскими булгарами

Ил. 11, миниатюра № 196.
Лишение Судислава Владимировича
псковского княжения (справа)

На миниатюрах № 357 (вокняжение в в Новгороде Всеволода Мстиславича) и 229 (обращение киевлян к Святославу Ярославичу) при занятии правителем княжеского стола меч князю вручает один человек. Также один человек (без меча), стоящий перед князем, изображён на миниатюрах № 226, 233, 383⁴⁰. Меч как символ власти над городом показательно изображён на миниатюре № 273 (Ил. 10). На рисунке показан человек, который преподносит меч войску волжских булгар нападающих на Муром⁴¹.

Можно сделать предположение, что на перечисленных рисунках в фигуре одного человека изображён весь городской коллектив — политическое сообщество. В рамках древнерусских представлений эти сообщества осмыслялись как «коллективная личность», в определённом смысле аналогичная князьям. По заключению П. В. Лукина, данная «коллективная личность» в определённых обстоятельствах могла получать практически антропоморфное значение⁴². Изображения человека, вручающего правителю меч или стоящего перед князем во время его вокняжения, отражают представление о городском объединении,

персонифицированном в образе одного человека. Этот человек, вступая в символическую коммуникацию с князем, удостоверяет его право на власть в городе и княжестве.

Довольно показательно на одной из миниатюр выглядит изъятие меча, что, вероятно, означало лишение князя стола. Данные действия показаны на миниатюре № 196 (Ил. 11), где изображено пленение псковского князя Судислава Владимировича и конфискация у него оружия, свидетельствующие о лишении его псковского княжения и княжеского статуса⁴³. Таким образом, меч как практически неизменный атрибут

⁴⁰ Там же. Л. 100, 102, 164 об.

⁴¹ Там же. Л. 120 об.

⁴² Лукин П. В. Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica. Русский республиканизм от средневековья до конца XX века. М., 2021. С. 108–109.

⁴³ Радзивилловская летопись. Л. 87; «В се же лето всади Ярослав Судислава в поруб, брата своего, во Пскове — оклеветан к нему» (ПСРЛ. Т. 38. С. 65). Судислав Владимирович после смерти одного из сыновей Владимира Мстислава в 1036 г. был захвачен старшим братом

власти древнерусского князя связан с *обретением, обладанием или передачей княжеской власти.*

В нескольких миниатюрах приглашение на княжение показано как вручение даров представителями городского сообщества князю Рюриковичу. На миниатюре № 500 (Ил. 12) изображено посольство с дарами от новгородцев к киевскому князю Юрию Владимировичу с просьбой отправить на княжение в Новгород своего сына Мстислава⁴⁴. В изображении № 547 (Ил. 13) показано посольство ростовцев и суздальцев с дарами к рязанскому князю Глебу Ростиславичу с предложением занять владимирский стол после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г.⁴⁵ Под 1176 г. помещено изображение № 559 (Ил. 14), показывающее приглашение ростовскими боярами на Ростовское княжение Мстислава Ростиславича⁴⁶. Переговоры Мстислава с посольством происходят во время пира, который, как и дары, являлся важной частью социальной коммуникации. Материальное воплощение даров, представленных на миниатюрах (медные кувшины?), не может соответствовать реалиям описываемых событий второй половины XII в. Однако показательное само изображение преподнесения дара князю городским нобилитетом во время приглашения его на правление, что вполне соответствовало правилам и нормам символической коммуникации XI–XII вв.

Сцены вокняжения представителей династии Рюриковичей в древнерусских городах — встреча населением и духовенством князя за пределами города и аккламация правителя — также находят своё непосредственное отражение в миниатюрах РЛ.

Ряд сообщений древнерусских летописей содержит как первичное звено церемониальных событий торжественный

Ил. 12, миниатюра № 500.
Посольство новгородцев
к Юрию Долгорукому

Ил. 13, миниатюра № 547.
Посольство ростовцев и суздальцев
к Глебу Ростиславичу

Ил. 14, миниатюра № 559.
Приглашение Мстислава Ростиславича
на ростовское княжение

Ярославом и отправлен в длительное заточение. Псковское княжение в результате событий 1036 г. было ликвидировано. Судислав был освобождён своими племянниками только в 1059 г., принёс присягу отказа от власти и принял монашеский постриг.

⁴⁴ Радзивилловская летопись. Л. 199 об.

⁴⁵ Там же. Л. 216 об.

⁴⁶ Там же. Л. 222.

Ил. 15, миниатюра № 294. Встреча Изяслава Владимировича в Муроме (справа)

Ил. 16, миниатюра № 608. Возвращение Всеволода Юрьевича из военного похода

въезд князя в город и встреча его горожанами⁴⁷. После службы в храме и занятия Рюриковичем княжеского двора центральным элементом была аккламация — провозглашение Рюриковича князем на княжеском дворе⁴⁸. При анализе процедуры взаимодействия населения города и князя в период занятия последним княжеского стола в летописях можно найти устойчивые выражения со стороны горожан: «мы есте людие твои» и «ты еси нашъ князь» с упоминанием предков князя и главных храмов города⁴⁹. Таким образом, в летописях процедура занятия княжеского стола представлена как определённая последовательность действий, важнейшей из которых было признание правителя населением, т.е. торжественный коммуникативный акт между горожанами и князем, закреплявший за последним право на княжение.

Ил. 17, миниатюра № 609. Встреча Святослава Всеволодовича в Новгороде

В миниатюрах РЛ встреча князя населением (и духовенством), преклонение перед правителем и его аккламация отражены в ряде миниатюр: № 15, 21, 86, 111, 159, 161, 180, 202, 226, 233, 294, 301, 383, 425, 476, 509, 535, 552, 555, 608, 609⁵⁰. Преведём в качестве показательных примеров некоторые из них.

На изображении № 294 (Ил. 15) показана встреча Изяслава Владимировича в Муроме в 1096 г.⁵¹ На миниатюре № 608 (Ил. 16) изображено возвращение Всеволода Юрьевича из военного похода в 1199 г. и его встреча жителями Владимира-на-Клязьме⁵².

⁴⁷ Так, например, для Киева за период с 1069 по 1194 г. торжественная встреча князя при въезде в город упоминается в летописях 11 раз. В четырёх случаях говорится об участии во встрече высшего духовенства (См.: Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 24–25).

⁴⁸ Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации... С. 35.

⁴⁹ Лавренченко М. Л. «Ты нашъ князь»... С. 108.

⁵⁰ Радзивилловская летопись. Л. 8 об., 10 об., 37, 45, 74, 74 об., 83, 89 об., 100, 102, 132, 136, 164 об., 176, 192 об., 202, 212, 218 об., 208, 243, 243 об.

⁵¹ Там же. Л. 132; «В се же время прииде Изяслав, сын Володимеров, ис Курьска к Мурому. И прияша и муромци» (ПСРЛ. Т. 38. С. 93).

⁵² Радзивилловская летопись. Л. 243; «Князь же великийи возвратися воспать въ град свои в Володимирь, и вниде месяца июня 6 день на память, святаго мученика Дорофея епископа, в день суботный; бысть радость велика в Володимири» (ПСРЛ. Т. 38. С. 159).

На рисунке № 609 (Ил. 17) представлена встреча Святослава Всеволодовича в Новгороде в 1200 г.⁵³ Миниатюры № 294, 608 и 609 объединяет изображение подъезжающих к городу князей с дружиной. Правителей встречает население (без духовенства), склонившись перед князьями (миниатюры № 294, 609) или торжественно обозначая его приход звуком труб (миниатюры № 608 и 609) и вручая ему некий дар (миниатюра № 608).

На миниатюрах № 425 (Ил. 18), 552 (Ил. 19) и 555 (Ил. 20) князя встречает духовенство и население города⁵⁴. На изображении № 425 показана встреча Изяслава Мстиславича при его въезде в Киев в 1146 г.⁵⁵ Князь вместе с дружиной подъезжает к городу, на встречу ему выходит киевский митрополит с крестом, который изображён впереди, позади митрополита изображено население древнерусской столицы. На миниатюре № 552 показана встреча владимирцами Мстислава и Ярополка Ростиславичей под стенами города в 1174 г.⁵⁶ Впереди навстречу князьям выходит владимирский епископ с крестом, позади которого стоят жители Владимира. Князья, один из которых изображён без головного убора, другой со снятой шапкой, стоят справа от городской процессии. Князь, стоящий ближе к епископу, совершает крестное знамение и готовится поцеловать крест, находящийся в его руках. Похожее по своему смысловому значению, хотя с рядом отличий в некоторых деталях, являет миниатюра № 555.

На миниатюре № 552 изображена процедура договора (ряда) между населением города и вступающим в него князем. Данный договор заключался посредством крестоцелования — договорной практики, осуществлявшейся между политическими акторами. Целование креста как публичный

Ил. 18, миниатюра № 425. Встреча Изяслава Мстиславича при въезде в Киев

Ил. 19, миниатюра № 552. Встреча Мстислава и Ярополка Ростиславичей под стенами Владимира

Ил. 20, миниатюра № 555. Встреча Михалка и Всеволода Юрьевичей под под стенами Владимира

⁵³ Радзивилловская летопись. Л. 243 об.; «и приде к Новугороду месяца декеврия 12 день на память святого отца нашего Спиридона» (ПСРЛ. Т. 38. С. 159).

⁵⁴ Радзивилловская летопись. Л. 176, 218 об., 220.

⁵⁵ «И вниде Изяслав в Киев, хваля и славя Бога о таковой помощи Его. И выидоша противу ему множество народа, игумени с черноризци и попове всего града Киева в ризах» (ПСРЛ. Т. 38. С. 113).

⁵⁶ «Потом володимирци утвердившеся с Ростиславичама крестным целованием, яко не сотворити има в граде никакого зла. И выидоша со кресты противу Мстиславу и Ярополку» (ПСРЛ. Т. 38. С. 141).

Ил. 21, миниатюра № 403. Примирение киевского князя Ярополка Владимировича и черниговского князя Всеволода Ольговича

Ил. 22, миниатюра № 441. Заключение договора между киевским князем Изяславом Мстиславичем и Ростиславом Юрьевичем

ный между ними прислужник принимает чашу из руки Ярополка. Всеволод протягивает руки, чтобы чашу принять⁶². Помимо совместного распития, миниатюра № 403 отражает княжескую иерархию: престол Ярополка возвышается над престолом Всеволода, тем самым, изображение показывает более привилегированное (старшее) положение киевского князя. Совместное распитие как акт примирения показан на миниатюре № 441 (Ил. 22), где изображено заключение договора между киевским князем Изяславом Мстиславичем и Ростиславом Юрьевичем в 1148 г.⁶³ Два князя представлены сидящими на престолах друг напротив друга. Между ними небольшой стол, на котором стоят чаши. Изяслав левой рукой поднимает кубок⁶⁴. Показательно изображено примирение двух неизвестных князей на миниатюре № 522 (Ил. 23). Князья вместе сидят на возвышенном пьедестале (престоле), пожимая друг другу руки. В левых руках они держат кубки. Внизу, с обеих сторон от князей, стоят приближённые, один из которых также

акт при заключении соглашений (во многих случаях в присутствии духовенства) являлся важным стабилизирующим фактором в эпоху межкняжеских распр и политических конфликтов⁵⁷.

В межкняжеских отношениях домонгольской Руси большое значение при установлении перемирий, заключении договоров и союзов играл институт гостеприимства и пира. Средневековые пиры — неотъемлемый элемент жизни знати, возможность правителя продемонстрировать свою щедрость и, тем самым, обозначить собственный престиж и социальный статус⁵⁸. Княжеские пиры отчётливо изображены на 8 миниатюрах РЛ⁵⁹. На трёх миниатюрах пиры изображены в контексте примирения князей, заключения договора и мира: № 403, 441, 522⁶⁰.

На изображении № 403 (Ил. 21) представлен акт примирения князей Ярополка Владимировича Киевского и Всеволода Ольговича Черниговского. Князья изображены сидящими на престолах друг напротив друга⁶¹. Киевский князь Ярополк восседает на троне без спинки, несколько возвышаясь над Всеволодом. Изображён-

⁵⁷ Щанов Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 15.

⁵⁸ Гуревич А. Я. Пир // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 359.

⁵⁹ Радзивилловская летопись. Л. 70 об., 107, 169 об., 181, 203 об., 207, 222, 237 об.

⁶⁰ Там же. Л. 169 об., 181, 207.

⁶¹ «Посла (Всеволод. — Ю. К.) с покорением ко Ярополку, и испроси мир, и целоваше честный крест. И сотвориша мир, и разошася разню, славяще Бога» (ПСРЛ. Т. 38. С. 109).

⁶² Радзивилловская летопись. Л. 169 об.

⁶³ «И пришедшу ему, рад бысть Изяслав, и сотвори обед велик, и дасть ему Божскы и ины города» (ПСРЛ. Т. 38. С. 116).

⁶⁴ Радзивилловская летопись. Л. 181.

поднимает кубок (кувшин)⁶⁵. Подобное по основным символическим действиям заключение соглашения между Рюриковичами изображено на миниатюре № 597 (Ил. 24), где показано крестное целование Рюрика Ростиславича Киевского и черниговских князей Ольговичей галицко-волынского князю Роману Мстиславичу⁶⁶. В правой части миниатюры изображены два князя, пожимающие друг другу руки и совместно держащие кубок⁶⁷.

В соответствии с рассмотренными выше миниатюрами, практика совместного распития как знак заключения примирения являлась распространённым способом разрешения межкняжеских конфликтов в домонгольской Руси. На «обыденность» данного явления указывает летописный эпизод 1066 г., связанный с отравлением Ростислава Владимировича. Тмутараканский князь пошёл на примирение с херсонесскими греками. Знаком заключения мира стало распитие вина из одной чаши с греческим котопаном⁶⁸.

Согласно социально-антропологическим исследованиям, не стоит недооценивать роль алкогольных напитков как способов установления и поддержания межличностных контактов и принятия общих решений⁶⁹. Особенно это характерно для обществ с несформированными социальными институтами и неразвитой политической организацией⁷⁰. В Древней Руси XI–XII вв., где системообразующее значение играли личные отношения внутри династии, пиры являлись важнейшей формой межкняжеских связей и урегулирования разногласий между Рюриковичами. Показательно, что данный способ коммуникации нашёл своё отражение в летописных миниатюрах.

Миниатюры РЛ являются ценными свидетельствами по княжескому погребальному обряду. Погребения древнерусских князей в РЛ представлены на 18 изображениях. Во многом они соответствуют тексту летописи и иллюстрируют

Ил. 23, миниатюра № 552.
Примирение двух неизвестных князей

Ил. 24, миниатюра № 597.
Крестное целование и примирение
между князьями

⁶⁵ Там же. 207.

⁶⁶ «Целова Рюрик к великому князю Всеволоду и к сыномъ его Костянтину и ко Всеволоду и ко его братии. И рече Романъ к Рюрикови: «То уже еси крестъ целоваль. Пошли ты мужа своего ко свату своему, а я слю своего мужа ко отцю и господину, великому князю Всеволоду. И ты ся моли, и я ся молю абы ти дал Киевъ опять» (ПСРЛ. Т. 38. С. 160).

⁶⁷ Радзивилловская летопись. Л. 237 об.

⁶⁸ «Съному же прішедшу к Ростиславу и ввѣрившюся ѣму чташеть и Ростиславъ единою же пьющо Ростиславу с дружиною своею речъ котопанъ кнаже хочю на та пити ѣному же рекши пи ѣн же испивъ половину. а половину дасть кназю пити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166).

⁶⁹ Лукин П. В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей: Человек в истории. Феодализм перед судом историков. 2006. С. 138–139.

⁷⁰ Груша А. Sredo quia veru: аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 2. С. 5.

Ил. 25, миниатюра № 65.
Погребение Игоря Рюриковича

Ил. 26, миниатюра № 102.
Оплакивание и погребение
Олега Святославича

установленные обрядовые действия, совершавшиеся при княжеском погребении: присутствие при захоронении ближайших родственников усопшего князя (№ 65, 85, 102, 243, 490, 495, 558)⁷¹; плачь (проявление скорби) об умершем (№ 65, 85, 102, 495, 544, 546, 558, 610)⁷²; перенесение тела князя к месту погребения (№ 158, 243, 266, 271, 546)⁷³; отпевание князя (№ 85, 192, 202, 271, 490, 495, 539, 544, 558, 610)⁷⁴; массовое стечение народа (№ 65, 85, 102, 163, 243, 266, 271, 490, 558)⁷⁵; похороны князя в специальном саркофаге; помещаемом в храме (№ 85, 158, 192, 243, 271, 353, 490, 495, 539, 544, 558, 610)⁷⁶.

Одним из наиболее интересных элементов погребальных сооружений являются каменные саркофаги, появившиеся на Руси в XI в. и использовавшиеся для погребения князей и членов их семей, посадников, монахов и высшего духовенства⁷⁷. Согласно археологическому и изобразительному материалу, большинство саркофагов, связанных с княжескими захоронениями конца X–XII вв. относятся к виду 1 по классификации Т. Д. Пановой: саркофаги-ящики прямоугольной формы без дополнительного оформления внутреннего пространства⁷⁸. Для саркофагов данного вида используется три варианта

крышек. Первый вариант — высокая двускатная крыша, характерная для киевских каменных гробов конца X–XI в. Ярким примером саркофагов подобного типа является «саркофаг Ярослава Мудрого» из киевского Софийского собора и «саркофаг княгини Ольги» из Десятинной церкви. Второй вариант — плоские крышки-плиты, характерные для погребений второй половины XI–XII вв. Данный тип саркофагов был распространён на территории Руси практически повсеместно. Третий тип саркофагов представлен крышками с двумя пологими, слабовыраженными скатами⁷⁹.

Каменные саркофаги изображены практически на всех миниатюрах, связанных с княжескими погребениями, а также захоронениями высшего духовенства и монашества (№ 65, 85, 102, 158, 163, 192, 243, 258, 266, 271, 276, 287, 327, 349, 353, 490, 495, 510,

⁷¹ Радзивилловская летопись. Л. 29, 36 об., 42, 106 об., 196 об., 198, 221 об.

⁷² Там же. Л. 29, 42, 198, 215, 216, 221 об., 243 об.

⁷³ Там же. Л. 74, 106 об., 117, 119 об., 216.

⁷⁴ Там же. Л. 36 об., 86, 89 об., 119 об., 196 об., 198 об., 213, 215, 221 об., 243 об.

⁷⁵ Там же. Л. 29, 36 об., 42, 76, 106 об., 117, 119 об., 196 об., 221 об.

⁷⁶ Там же. Л. 36 об., 74, 86, 106 об., 119 об., 155 об., 196 об., 198 об., 213, 216, 221 об., 243 об.

⁷⁷ Панова Т. Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 14.

⁷⁸ Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 76–83.

⁷⁹ Там же. С. 78.

539, 544, 546, 558, 610)⁸⁰. Каменный саркофаг, элемент элитарной традиции христианских княжеских погребений, используется художником даже в изображении погребения Игоря Рюриковича (№ 65. Ил. 25) — князя-язычника, умершего более чем за 40 лет до принятия Русью христианства⁸¹.

Наиболее ранние формы саркофагов, с двускатной каменной крышей, представлены на миниатюрах, изображающих гробницы св. Бориса и Глеба — № 243 (Ил. 27), 327 (Ил. 28), каменный гроб прп. Феодосия Киево-Печерского (№ 349) и саркофаг Андрея Юрьевича Боголюбского (№ 544, 546)⁸². Плоские крышки-плиты изображены на миниатюрах, связанных с погребениями Игоря Рюриковича (№ 65), Изяслава Ярославича (№ 266) и Святополка Изяславича (№ 353). Третий тип саркофага, с двумя слабовыраженными скатами, изображён в миниатюре захоронения Ярополка Изяславича (№ 271)⁸³.

При изучении изображений погребального обряда продуктивным представляется сравнение миниатюр РЛ с более ранними изобразительными источниками. Уникальные иллюстрации из «Сказания о Борисе и Глебе», связанные с княжеским погребальным обрядом, представлены на миниатюрах Сильвестровского сборника середины XIV в. — самого раннего из сохранившихся иллюстрированных списков «Сказания». В соответствии

Ил. 27, миниатюра № 243.
Перенесение мощей св. Бориса

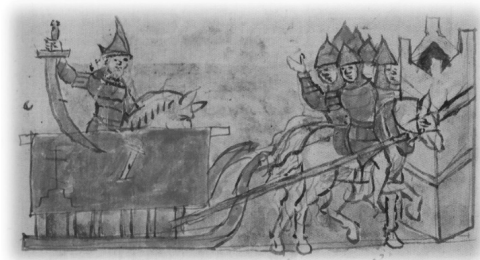
Ил. 28, миниатюра № 327.
Рака с мощами Бориса и Глеба

⁸⁰ Радзивилловская летопись. Л. 29, 36 об., 42, 74, 76, 86, 106 об., 114 об., 117, 119 об., 122, 130, 148, 154 об., 155 об., 196 об., 198 об., 202 об., 213, 215, 216, 221 об., 243 об.

⁸¹ Там же. Л. 29. Изображение погребения Игоря Рюриковича в каменном саркофаге выглядит явным анахронизмом, учитывая, что киевский князь умер язычником, а его захоронение согласно тексту ПВЛ проходило в соответствии с дохристианскими погребальными традициями: насыпанием кургана над телом князя («съсуги могилу велику») и посмертным пиром-тризной (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57). На миниатюре художник изобразил процесс возведения кургана, а справа от него княгиню Ольгу, склонившуюся в плаче у каменного саркофага. Совмещение на миниатюре языческих и христианских элементов погребального обряда — наличие кургана и захоронения тела Игоря в каменном саркофаге — продиктовано буквальным прочтением художником летописного сообщения. В ПВЛ дважды упоминается о «гробе Игоря»: «да поплачюся надъ гробомъ его»; «приде къ гробу его» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57). В данном случае, под «гробом» следует понимать могилу — непосредственное место захоронения князя (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М., 1989. С. 390). На это указывает и более раннее сообщения о захоронении Игоря древлянами после убийства киевского князя: «Древлене оубиша Игоря и дружину его бѣ бо ихъ мало и погребенъ быѣ Игорь [и] естъ могила его оу Искорьстѣна градѣ в Деревѣхъ и до сего дѣне» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 38. С. 28). Таким образом, согласно ПВЛ, Ольга «скорбила» не над гробом, который был неверно воспринят художником как материальный объект и в соответствии с древнерусской традицией был изображён в виде каменного саркофага, а над его могилкой (курганом).

⁸² Радзивилловская летопись. Л. 106 об., 148, 154 об., 215, 216.

⁸³ Там же. Л. 29, 117, 155 об.

Ил. 29, миниатюра № 269.
Гибель Ярополка Изяславича

с текстом повествования, на миниатюрах № 1 (л. 117), № 6 (л. 128), № 20 (л. 152) изображён, по всей видимости, архаичный древнерусский погребальный обычай — перевозка тела усопшего князя в саних. На иллюстрации № 1 тело князя Владимира, обёрнутое в покров, помещается в сани для перевозки к месту захоронения⁸⁴. На миниатюре № 6 Бориса Владимировича в княжеском облачении (шапке) в саних несут на руках к месту погребения⁸⁵. Изображение № 20 показывает перевозку на саних каменной раки с мощами Глеба Владимировича⁸⁶.

Использование саней в качестве погребальной повозки является архаической традицией. В похоронной церемонии она фиксируется не только в зимнее время, но и в другие времена года и, по всей видимости, связано с дохристианскими представлениями. В этом значении древнерусское описание погребения в саних находит многочисленные аналогии у различных народов в разные исторические эпохи⁸⁷. Применение саней при похоронном обряде было обусловлено обычаем оставлять сани на могиле. Особенность использования саней в древнерусском похоронном обряде заключалась также в использовании их как носилках тела умершего⁸⁸.

В древнерусских летописях содержится несколько известий об использовании саней при княжеском погребении. Впервые оно встречается при описании похорон крестителя Руси Владимира Святославича († 15 июля 1015 г.)⁸⁹, затем — при захоронении Ярослава Владимировича († 19 февраля 1054 г.)⁹⁰, Изяслава Ярославича (убит 3 октября 1078 г.)⁹¹, Перед захоронением Святополка Изяславича (16 апреля 1113 г.) тело князя также было помещено в погребальные сани⁹².

При упоминании саней в древнерусских летописях как элемента княжеских похорон на миниатюрах РЛ в подобном контексте сани практически отсутствуют. Лишь на миниатюре № 269 (Ил. 29) в саних перевозят тело убитого Ярополка Изяславича⁹³.

⁸⁴ Сказание о Борисе и Глебе. С. 92, рис. 1.

⁸⁵ Там же. С. 94, рис. 6.

⁸⁶ Там же. С. 101, рис. 20.

⁸⁷ Анушин Д. Н. Сани, ладыя и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890. С. 51–71.

⁸⁸ Там же. С. 71.

⁸⁹ «Възложыше и на сани везыше поставиша и въ сѣби Бѣди юже бѣ създаде самъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130).

⁹⁰ «Спра та тѣло ѿца своего възложыше на сани везоша и Къеву попове поуще ѿбычныѣ пѣсни плакаша по немь людье [и] принесъ положиша и в рацѣ мороморанѣ в цркви стое Соѿвь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162).

⁹¹ «И вземше тѣло юго привезоша и в лодыи и поставиша противу Городьцю изиде противу юму весь городъ Къевъ и възложивше тѣло юго на сани повезоша и съ пѣсми попове и чернорици понесоша и в градъ и не бѣ лзѣ слышати пѣныѣ во плачи велицѣ [и] вопли плака бо са по немь весь градъ Къевъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 202).

⁹² «Престависа благоврѣныи князь Михаилъ зовемыи Стополкъ мѣца априла въ ѿи днѣ за Вышегородомъ и привезоша и в лодыи Киеву и справаше тѣло его и възложиша на санѣ и плакашеса по немь боаре и дружина его вса пѣвше над нимъ ѿбычныѣ пѣсни и положиша въ цркви стго Михаила юже бѣ самъ создалъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275).

⁹³ Радзивилловская летопись. Л. 119.

При этом в летописных текстах сами сани не упоминаются. Сообщается, что тело князя было помещено на телегу («на возе»)⁹⁴.

Отсутствие на миниатюрах саней как элемента погребального обряда может свидетельствовать о составлении миниатюр после исчезновения данной традиции и использовании миниатюристом более привычного изображения погребальной процессии⁹⁵. Архаический похоронный церемониал был непонятен художнику, поэтому практически все усопшие князья на миниатюрах РЛ изображаются в гробах или каменных саркофагах⁹⁶.

При летописном описании захоронений киевских князей Изяслава Ярославича и его сына Святополка присутствует ещё один любопытный элемент. Помимо использования саней, на которых перемещают тела князей к месту погребения, для перевозки тел усопших правителей в Киев используется ладья. На миниатюре РЛ № 266 (Ил. 30) показана доставка тела Изяслава Ярославича к Городцу в Киевской земле. Изображен каменный саркофаг, размещённый в ладье с двумя людьми, подплывающей к стенам города. Ладью встречают представители высшего духовенства и население Киева⁹⁷.

Гибель Изяслава Ярославича произошла на Нежатиной Ниве недалеко от Чернигова (около 150 км от Киева), Святополк умирает в княжеской резиденции Вышгорода, расположенного в 1 км от пригородов современного Киева. Доставку усопших в древнерусскую столицу практичнее осуществить сухопутным путём, однако в летописях указывается именно ладья как средство транспортировки покойных. Данное обстоятельство может свидетельствовать о использовании ладьи как одного из элементов погребального обряда. Художник, в соответствии с текстом ПВЛ, изобразил ладью в случае захоронения только Изяслава Ярославича и проигнорировал доставку в ладье тела Святополка. Вероятно, художник, знакомый с географией Южной Руси, допускал

Ил. 30, миниатюра № 266.
Доставка саркофага
с телом Изяслава Ярославича к Городцу

Ил. 31, миниатюра № 546.
Перевоз тела Андрея Юрьевича
из Боголюбово во Владимир

⁹⁴ «Лежашю и ту на возѣ саблю с конѣ прободѣ и мѣца ноямбрѣ въ.кв. днѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206).

⁹⁵ Показательно, что миниатюрист в эпизоде с погребением Владимира не следует за летописным текстом, где указано, что Владимир к месту погребения был перевезён на санях: «и възложиша на сани, и везше поставиша въ свѣт Богородици, юже бе создалъ самъ» (ПСРЛ. Т. 38. С. 58).

⁹⁶ Обращает на себя внимание, что на миниатюре № 546 изображена перевозка саркофага с телом Андрея Юрьевича Боголюбского на телеге (Ил. 31) (Радзивилловская летопись. Л. 216). В тексте РЛ не указано средство «транспортировки» тела князя в Успенский собор Владимира, поэтому миниатюрист изобразил привычный для него способ перевозки покойного.

⁹⁷ Радзивилловская летопись. Л. 117.

вероятность транспортировки тела Изяслава из Чернигова в Киев по рекам Десна и Днепр. В случае со Святополком Изяславичем, который умер в пригороде Киева, использование ладьи как средства доставки тела князя к храму св. Михаила (места погребения) не было ему понятно.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Несмотря на поздний период составления РЛ (конец XV в.), летописные миниатюры отражают ряд элементов, которые свидетельствуют о существовании гораздо более ранней изобразительной традиции, уходящей в эпоху домонгольской Руси. Это касается форм коммуникации и трансляции образа древнерусского правителя.

Среди визуальных форм репрезентации власти князя важнейшими атрибутами были головной убор («древнерусская княжеская шапка») и меч. Являясь символом княжеского достоинства, меч, согласно миниатюрам, активно использовался князьями в церемониальных действиях при передаче верховной власти и наделении князей Рюриковичей землями. Данный атрибут мог вручаться князю представителями городского сообщества, символизируя, тем самым, его право на княжение. Меч, в соответствии с миниатюрами, представлен как полноценная инсигния княжеской власти.

В нескольких изображениях РЛ нашли своё отражение древнерусские представления о персонализации политического сообщества. «Коллективная личность» города могла выступать субъектом политических отношений, наряду с князьями — представителями династии Рюриковичей. Изображение одного человека как воплощения «коллективной личности» является свидетельством представлений о коммуникации между городскими сообществами и древнерусскими князьями в XI–XII вв.

Миниатюры РЛ достаточно подробно отображают древнерусские летописные тексты, где содержится информация о процедуре вокняжения представителей княжеской династии в древнерусских городах. В частности, на рисунках представлена торжественная встреча князя за стенами города и его прославление (аккламация). В нескольких миниатюрах отражен ритуал крестного целования (договора) между населением и князем. Пирь и дарения как важнейшие формы в межкняжеских отношениях также довольно репрезентативно представлены на миниатюрах РЛ. Княжеские пиры, совместные распития и трапезы, изображённые на миниатюрах, демонстрируют символические формы прекращения конфликтов и заключения соглашений внутри правящего рода.

В миниатюрах нашёл своё отражение княжеский погребальный обряд. Изображения РЛ корректно демонстрируют основные ритуальные действия, совершаемые при княжеском погребении. Материальные составляющие древнерусского похоронного обряда — каменные саркофаги, использование при процедуре погребения ладьи — также представлены на ряде миниатюр. При этом, в сравнении с более ранним иллюстрированным житийным текстом — Сказанием о св. Борисе и Глебе из Сильвестровского сборника (середина XIV в.), на миниатюрах РЛ содержится и явный анахронизм — изображение погребальной повозки в форме телеги вместо летописных погребальных саней как гораздо более архаичного элемента погребального ритуала. К анахронизмам можно отнести изображение каменного саркофага — элемента христианской традиции при изображении погребения князя-язычника Игоря Рюриковича.

Являясь уникальным восточнославянским историко-художественным памятником, миниатюры РЛ существенно дополняют письменные источники. Несмотря на то, что летописные изображения сохранились в составе позднесредневековой летописи, иллюстрации дают возможность реконструировать древнерусские общественные представления о верховной власти, различные виды политических ритуалов и способы политической коммуникации в Древней Руси XI–XII вв.

Источники и литература

Источники

1. Полное собрание русских летописей. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л.: Наука, 1989. 177 с.
2. Радзивилловская летопись / Российская Академия наук. СПб.; М.: Глаголь: Искусство, 1994. Т. 1–2.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М.: Книга, 1985.

Литература

7. *Анучин Д. Н.* Сани, ладыя и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890.
8. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1944.
9. *Васин П. А.* Мечи средневековой Руси. 2-я половина XI — начало XVI в. Т. 1. М.: Фонд «Русские Витязи», 2022.
10. *Гвозденко К. С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 17–35.
11. *Груша А.* Credo quia veru: аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 2. С. 3–14.
12. *Гуревич А. Я.* Пир // Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 359–360.
13. *Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
14. *Долгов В. В.* «Волшебные мечи» в системе религиозного мировоззрения населения Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. Вып. 3. С. 49–54.
15. *Кибинь А. С.* Радзивилловская летопись: о месте и времени создания иллюстраций Повести временных лет. М.: Квадрига, 2022.
16. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966.
17. *Ковалев В. А.* Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // Vox medii aevi. 2018. Vol. 1 (2). С. 14–28.
18. *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
19. *Кондаков Н. П.* О миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах летописи. СПб., 1902. С. 118–127.
20. *Лавренченко М. Л.* «Ты наш князь»: соглашение между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 102–112.
21. *Лукин П. В.* Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей: Человек в истории. Феодализм перед судом историков. 2006. С. 134–150.

22. Лукин П. В. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica. Русский республианизм от средневековья до конца XX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 76–152.
23. Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1987. Т. 18. С. 64–83.
24. Лурье Я. С. Радзивилловская летопись // *Древняя Русь в средневековом мире*. Энциклопедия. М., 2014. С. 671–672.
25. Мартынюк А. В. Восточные, западноевропейские и русские изобразительные источники по истории Монгольской империи и государств — её наследников в XIII–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2003.
26. Мартынюк А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага XIII — пачатку XV ст. у мініяцюрах Ліцавога летапіснага зводу XVI стагоддзя // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2011. № 5. С. 40–46.
27. Мартынюк А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага першай паловы XV — сярэдзіны XVI ст. у мініяцюрах Ліцавога летапіснага зводу // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2011. № 7. С. 19–24.
28. Мартынюк А. В. Радзивилловская летопись: соблазны и сомнения вокруг знаменитого памятника // *Актуальные проблемы источниковедения. Материалы V Международной научно-практической конференции*. Витебск, 2019. С. 155–157.
29. Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // *Из истории русской культуры*. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 500–519.
30. Панова Т. Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
31. Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004.
32. Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания*. М.; СПб., 2014. С. 388–401.
33. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М.: Наука, 1965.
34. Попов Г. В. Тема славянского просвещения в миниатюрах Радзивилловской летописи // *Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура*. СПб., 2002. С. 362–377.
35. Поплэ А. Феодана Новгородская // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 102–120.
36. Пуцко В. Г. Древнейшие иллюстрации к сказаниям о Киево-Печерском монастыре // *ТОДРЛ*. Т. 38., 1985. С. 65–78.
37. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984.
38. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989.
39. Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. М.: Квадрига, 2021.
40. Темушев С. Н. Дань в миниатюрах Радзивилловской летописи // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 2 (60). С. 5–22.
41. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992.
42. Толочко А. П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи) // *Ruthenica*. 2014. Т. 12. С. 67–81.

43. Чернецов А. В. К изучению лицевого летописания // Краткие сообщения института археологии. № 171. М., 1982. С. 49–54.
44. Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах летописи. СПб., 1902. С. 18–114.
45. Щанов Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церкви в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 5–26.
46. Althoff G. Rituale — symbolische Kommunikation. *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 1999, № 3. S. 140–154.

Sources and References

Sources

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 38: Radzivilov Chronicle. Leningrad, 1989. (In Old-Russian)
2. *Radzivilovskaya letopis'* [Radzivilov Chronicle]. St. Petersburg, Moscow, 1994. (In Old-Russian)
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 1: The Lavrentian Chronicle. Leningrad, 1926–1928. (In Old-Russian)
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 2: Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908. (In Old-Russian)
5. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 15: Rogozhsky Chronicle. Tver collection. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000. (In Old-Russian)
6. *Skazanie o Borise i Glebe: Faksimil'noe vosproizvedenie zhitijnyh povestej iz Sil'vestrovskogo sbornika (2-ya polovina 14 veka)* [The Legend of Boris and Gleb: Facsimile reproduction of hagiographic stories from the Sylvester collection (2nd half of the 14th century)]. Moscow, 1985. (In Old-Russian)

References

7. Althoff G. Rituale — symbolische Kommunikation [Rituals — symbolic communication]. *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* [History in Science and Education], 1999, No. 3. S. 140–154. (In German)
8. Anuchin D. N. *Sani, lad'ya i koni kak" prinadlezhnosti pohoronnago obryada* [Sleigh, boat and horses as funeral rite accessories]. Moscow, 1890. (In Russian)
9. Arcihovskij A. V. *Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskij istochnik* [Old Russian miniatures as a historical source]. Moscow, Moscow University Press, 1944. (In Russian)
10. Vasin P. A. *Mechi srednevekovoj Rusi. 2-ya polovina 11 — nachalo 16 v.* [Swords of medieval Rus'. 2nd half of the 11th century — beginning of the 16th century], vol. 1. Moscow, Found "Russkie Vityazi" Publ., 2022. (In Russian)
11. Gvozdenko K. S. Ceremoniya knyazheskoj intronizacii na Rusi v domongol'skij period [The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongol period]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2009, no. 1, p. 17–35. (In Russian)
12. Grusha A. Credo quia veru: ab prychyne adsutnasci pis'mennasci ŷ varvarskim gramadstve (metadalagichny aspekt) [Credo quia veru: on the cause of illiteracy in a barbarian society (methodological aspect)]. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian historical magazine], 2009, no. 2, p. 3–14. (In Belarusian)
13. Gurevich A. Ya. Pir [Feast]. *Slovar' srednevekovoj kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2003, p. 359–360. (In Russian)

14. Dolgov V. V. *Byt i nrawy Drevnej Rusi [Life and customs of Ancient Rus']*. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2007. (In Russian)

15. Dolgov V. V. "Volshebnye mechi" v sisteme religioznogo mirovozzreniya naseleniya Drevnej Rusi ["Magic swords" in the system of religious worldview of the population of Ancient Rus']. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*, series 2. 2007, issue 3, p. 49–54. (In Russian)

16. Kibin' A. S. *Radzivilovskaya letopis': o meste i vremeni sozdaniya illyustracij Povesti vremennyh let [Radzivil Chronicle: about the place and time of creation of illustrations of the Tale of Bygone Years]*. Moscow, 2022. (In Russian)

17. Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie. Mechi i sabli 9–13 vv. [Old Russian weapons. Swords and sabers of the 9th–13th centuries]*. Moscow, Leningrad, 1966.

18. Kovalev V. A. Igra na prestole: ritualy vlasti v Srednie veka i sovremennaya kul'tura [Game on the throne: rituals of power in the Middle Ages and modern culture]. *Vox medii aevi*, 2018, vol. 1 (2), p. 14–28. (In Russian)

19. Kondakov N. P. *Izobrazhenie russkoj knyazheskoj sem'i v miniatyurah 11 v. [Depiction of the Russian princely family in miniatures of the 11th century]*. St. Petersburg, 1906. (In Russian)

20. Kondakov N. P. O miniatyurah Kenigsbergskogo spiska nachal'noj letopisi [About the miniatures of the Koenigsberg list of the initial chronicle]. *Radzivilovskaya ili Kenigsbergskaya letopis' [Radzivil or Koenigsberg Chronicle]*, vol. 2: Articles about the text and miniatures of the chronicle. St. Petersburg, 1902, p. 118–127. (In Russian)

21. Lavrenchenko M. L. "Ty nash' knyaz": soglashenie mezhdou gorodom i knyazem v Kievskoj letopisi ["You are our prince": an agreement between the city and the prince in the Kyiv Chronicle]. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University, history*, 2023, no. 1 (60), p. 102–112. (In Russian)

22. Lukin P. V. Prazdnik, pir i veche: k voprosu ob arhaicheskikh chertah obshchestvennogo stroya vostochnyh i zapadnyh slavyan [Holiday, feast and veche: on the question of archaic features of the social system of the Eastern and Western Slavs]. *Odissej: Chelovek v istorii. Feodalizm pered sudom istorikov [Odysseus: Man in History. Feudalism on the court of historians]*, 2006, p. 134–150. (In Russian)

23. Lukin P. V. Respublikanskaya ritorika v Drevnej Rusi [Republican rhetoric in Ancient Rus']. *Res Publica. Russkij respublikanizm ot srednevekov'ya do konca 20 veka [Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20 Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, p. 76–152. (In Russian)

24. Lur'e Ya. S. O proiskhozhdenii Radzivilovskoj letopisi [On the origin of the Radzivilov Chronicle]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny [Auxiliary historical disciplines]*, vol. 18. Leningrad, 1987, p. 64–83. (In Russian)

25. Lur'e Ya. S. Radzivil Chronicle. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire [Old Rus' in the medieval world]*. Encyclopedia. Moscow, 2014, p. 671–672. (In Russian)

26. Martynyuk A. V. *Vostochnye, zapadnoevropejskie i russkie izobrazitel'nye istochniki po istorii Mongol'skoj imperii i gosudarstv — eyo naslednikov v 13–16 vv. [Eastern, Western European and Russian pictorial sources on the history of the Mongol Empire and its successor states in the 13th–16th centuries]*. Thesis Ph.D. (History) dissertation. Minsk, 2003. (In Russian)

27. Martynyuk A. Gistoryya Vyalikaga Knyastva Litoŷskaga 13 — pachatku 15 st. u miniatyurah Licavoga letapisnaga zvodu 16 stagoddzja [History of the Grand Duchy of Lithuania in the 13th — beginning of the 15th century. in the miniatures of the 16th century Lytsovoy annals collection]. *Belaruskij gistorychny chasopis [Belarusian historical magazine]*, 2011, no. 5, p. 40–46. (In Belarusian)

28. Martynyuk A. Gistoryya Vyalikaga Knyastva Litoŷskaga pershaj palovy 15 — syaredziny 16 st. u miniatyurah Licavoga letapisnaga zvodu [History of the Grand Duchy of Lithuania

in the first half of the 15th to the middle of the 16th centuries. in the miniatures of the Litsovoi annals]. *Belaruski gistorychny chasopis [Belarusian historical magazine]*, 2011, no. 7, p. 19–24. (In Belarusian)

29. Martynyuk A. V. Radzivilovskaya letopis': soblazny i somneniya vokrug znamenitogo pamyatnika [Radzivil Chronicle: temptations and doubts on the famous monument]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya [Current issues of sources studies]*. Materials of the conference. Vitebsk, 2019, p. 155–157. (In Russian)

30. Nazarenko A. V. Poryadok prestolonaslediya na Rusi 10–12 vv.: nasledstvennye razdely, sen'orat i popytki designacii (tipologicheskie nablyudeniya) [The order of succession to the throne in Rus' in the 10th–12th centuries: hereditary divisions, seignorate and attempts at designation (typological observations)]. *Iz istorii russkoj kul'tury [From the history of Russian culture]*, vol. 1. (Old Rus'). Moscow, 2000, p. 500–519. (In Russian)

31. Panova T. D. *Gorodskoj pogrebal'nyj obryad srednevekovoj Rusi (11–16 vv.) [Urban funeral rite of medieval Rus' (11–16 centuries)]*. Thesis Ph.D. (History) dissertation. Moscow, 1990. (In Russian)

32. Panova T. D. *Carstvo smerti. Pogrebal'nyj obryad srednevekovoj Rusi 11–16 vekov [Kingdom of death. Funeral rites of medieval Rus' of the 11th–16th centuries]*. Moscow, 2004. (In Russian)

33. Plavinskij N. A. Miniatury Radzivilovskoj letopisi kak istochnik po istorii drevnerusskogo oruzhiya: k postanovke voprosa [Miniatures of the Radzivil Chronicle as a source on the history of ancient Russian weapons: to pose the question]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [Archeology and history of Pskov and Pskov land]*. Seminar in memory of academician V. V. Sedov: Materials of 59 session. Moscow, St. Petersburg, 2014, p. 388–401. (In Russian)

34. Podobedova O. I. *Miniatury russkih istoricheskikh rukopisej. K istorii russkogo licevogo letopisaniya [Miniatures of Russian historical manuscripts. On the history of Russian facial chronicling]*. Moscow, 1965. (In Russian)

35. Popov G. V. Tema slavyanskogo prosveshcheniya v miniatyurah Radzivilovskoj letopisi [The theme of Slavic enlightenment in miniatures of the Radzivil Chronicle]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiya, Rus', Zapadnaya Evropa: iskusstvo i kul'tura [Old Russian art. Byzantium, Rus', Western Europe: art and culture]*. St. Petersburg, 2002, p. 362–377. (In Russian)

36. Poppe A. Feofana of Novgorod. *Novgorodskij istoricheskij sbornik [Novgorod historical almanac]*, issue 6 (16). St. Petersburg, 1997, p. 102–120. (In Russian)

37. Pucko V. G. Drevnejšie illyustracii k skazaniyam o Kievo-Pecherskom monastyre [The most ancient illustrations to legends about the Kiev-Pechersk Monastery]. *Trudy Odtela Drevnerusskoj Literatury*, vol. 38. Leningrad, Nauka Publ., 1985, p. 65–78. (In Russian)

38. Rybakov B. A. *Iz istorii kul'tury Drevnej Rusi. Issledovaniya i zametki [From the cultural history of Ancient Rus'. Research and notes]*. Moscow, 1984. (In Russian)

39. Temushev S. N. *Nalogi i dan' v Drevnej Rusi [Taxes and tribute in Ancient Rus']*. Moscow, 2021. (In Russian)

40. Temushev S. N. Dan' v miniatyurah Radzivilovskoj letopisi [Tribute in miniatures from the Radzivil Chronicle]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The questions of Middle Ages]*, 2015, no. 2 (60), p. 5–22. (In Russian)

41. Tolochko A. P. *Knyaz' v Drevnej Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [Prince in Ancient Rus': power, property, ideology]*. Kyiv, 1992. (In Russian)

42. Tolochko A. P. “Ne prestupati predela bratnya” (ob istochnikah miniatyur Radzivilovskoj letopisi) [“Do not cross the line of a brother” (about the sources of miniatures in the Radzivil Chronicle)]. *Ruthenica*, 2014, vol. 12, p. 67–81. (In Russian)

43. Chernecov A. V. K izucheniyu licevogo letopisaniya [Towards the study of facial chronicles]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta archeologii*, no. 171. Moscow, 1982, p. 49–54. (In Russian)

44. Shakhmatov A. A. Issledovanie o Radzivilovskoj ili Kenigsbergskoj letopisi [Research on the Radzivil or Königsberg Chronicle]. *Radzivilovskaya ili Kenigsbergskaya letopis' [Radzivil*

or *Koenigsberg Chronicle*], vol. 2: Articles about the text and miniatures of the chronicle. St. Petersburg, 1902, p. 18–114. (In Russian)

45. Shchapov Ya. N. Religioznoe osmyslenie social'noj i politicheskoy dejstvitel'nosti v drevnerusskih letopisyah [Religious understanding of social and political reality in ancient Russian chronicles]. *Cerkov' v istorii Rossii* [*Church in the Russian history*], issue 2. Moscow, 1998, p. 5–26. (In Russian)

46. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (11–14 vv.)* [*Dictionary of the Old Russian language (11–14 centuries)*], vol. 2. Moscow, 1989. (In Russian)